

Когда Фан Цану увидел, как Тунтянь экранизирует Небесный Путь, он сразу понял, что развитие событий вышло из-под его контроля. Особенно когда Тунтянь сам провозгласил себя главой Цзецзяо — этот удар по своей силе ничуть не уступал бомбе, брошенной в сердце Фан Цану.

Впрочем, выслушав слова Тунтяня, Фан Цану в конце концов решил пойти с ним на сотрудничество. В конце концов, Тунтянь — будущий Святой, назначенный Небесным Путем; хоть его конец и был трагичным, Тунтянь переродился, а Святой уж точно не станет дважды наступать на те же грабли.

— Я согласен на сотрудничество, — кивнул Фан Цану, глядя на облаченного в черное даоса, однако в мыслях при этом проносилось: если Тунтянь действительно умудрится вляпаться в ту же яму дважды, он подведет его кверху ногами и отлупит.

Тунтянь не знал, о чем думает юноша перед ним, но чувствовал, что прежняя острая дерзость снова вернулась к нему. От этого Тунтяню безумно захотелось еще немного подразнить мальчика, заставив уголки его глаз покраснеть от досады, когда тот не будет знать, куда скрыться.

Однако прежде чем Тунтянь успел что-либо предпринять, Фан Цану холодно бросил:

— Сотрудничество — пожалуйста, но становиться партнерами-даосами совершенно необязательно.

В прошлой жизни Фан Цану был закоренелым одиночкой, он давно привык жить один. Внезапное появление партнера-даоса не только вызывало у него сильный дискомфорт, но и пугало тем, что такие отношения гораздо теснее обычных земных супружеских — они представляли собой форменное единение судеб. Подобная близость заставляла Фан Цану покрываться мурашками, он был совершенно не готов принять ее.

Тунтянь рассмеялся в ответ на слова Фан Цану и перехватил его руку. В тот же миг от их тел отделились бесчисленные тончайшие золотистые нити, которые тесно переплелись между собой, источая под лучами солнца мягкое, невыразимо прекрасное сияние.

Тело Фан Цану слегка задрожало. Уставившись на Тунтяня, он замер в полном оцепенении — это было чересчур интимно. Стоило Тунтяню пожелать, и он смог бы прочувствовать все, что ощущает Фан Цану, и наоборот.

— Договор Небесного Пути и впрямь невероятно удобная вещь, — опустив взгляд, проговорил Тунтянь, а затем склонился к самому уху Фан Цану: — Зато теперь нам не придется бояться предательства друг друга, простое сотрудничество таких преимуществ не дает.

Горячее дыхание обжгло ухо Фан Цану, заставив его белоснежную мочку вспыхнуть алым. Не выдержав, Фан Цану оттолкнул стоявшего рядом Тунтяня, и тысячи сияющих нитей мгновенно

растворились в воздухе.

— Держись от меня подальше! — едва прозвучали эти слова, как в руке Фан Цану внезапно появилось Копье из Драконьей Кости, упершись острием прямо им в грудь.

Тунтянь посмотрел на разъяренное лицо Фан Цану и не удержался от емкой оценки:

— Воинственный тигр.

Не успело затихнуть эхо этих слов, как Тунтянь заметил, что этот разъяренный маленький дракончик сверлит его яростным взглядом.

Сдерживая улыбку, Тунтянь смягчил голос и произнес:

— Друг мой, я лишь хотел дать тебе понять, что союз даосов куда надежнее простого партнерства.

Услышав это, Фан Цану отвернулся и наконец бросил:

— Тебе запрещено читать мои мысли без спроса.

— Хорошо, — с улыбкой согласился Тунтянь и протянул руку, отводя в сторону Копье из Драконьей Кости, которым Фан Цану упирался ему в грудь. — Обладая лишь культивацией Золотого Бессмертного, ты смеешь угрожать мне острием копья?

— Подумать только, а ведь кто-то недавно потерял сознание от удара моим Копьем из Драконьей Кости, — небрежно отозвался Фан Цану, забирая оружие назад.

Хотя он и находился на ступени Золотого Бессмертного, его драконье тело отличалось невероятной прочностью, а в руках находилось Копье из Драконьей Кости, выкованное из останков самого Цзулуна. Именно это сочетание придало ему смелости бросить вызов Тунтяню, находившемуся на ранней ступени Золотого Бессмертного Дало. Иначе он давно бы сбежал, зачем ему было злить Тунтяня и подставлять под удар самого себя?

Тунтянь промолчал. Хотя стоявший перед ним юноша был всего лишь Золотым Бессмертным, если бы тот задался целью перешагнуть через целую грань миров ради убийства врага, у него вполне могло бы получиться.

И впрямь настоящий тигрёнок, мысленно усмехнулся Тунтянь. В следующий момент он взмахнул рукавом, и барьер, окружавший их с Фан Цану, рассеялся, словно морской прилив.

Ждавший неподалеку Юаньши тут же торопливо подошел ближе и спросил:

— Вы развеяли этот договор о партнерстве?

Стоило ему произнести эти слова, как Юаньши почувствовал: связь между Тунтянем и Фан Цану никуда не исчезла, напротив, она стала еще крепче и неразрывнее, чем прежде. Лицо Юаньши мгновенно побелело.

— Тунтянь! — сдерживая клокотавшую ярость, рявкнул Юаньши.

Оглянувшись, Тунтянь сразу понял, что его старший брат разгневан не на шутку.

— Брат, этот друг не смог ответить на мой вопрос, так что ему волей-неволей пришлось остаться моим партнером-даосом, — негромко и совершенно невозмутимо произнес Тунтянь.

Стоявший за его спиной Фан Цану с мрачным лицом тоже кивнул.

Видя это, Юаньши был готов лично отлупить Тунтяня за такое упрямство — как можно было проявить столь вопиющее легкомыслие?

Опустив взгляд, Тунтянь заслонил Фан Цану собой.

В этот самый момент, когда атмосфера накалилась до предела, бледный как полотно Мальчик Байхэ подбежал к ним и доложил:

— Уважаемые господа, прибыли гости из Клана Драконов.

Услышав это, Юаньши холодно фыркнул, смахнул пыль с рукава и воздержался от расправы над братом.

— Ступай и проводи их внутрь, — холодно приказал он.

— Слушаюсь, — тут же откликнулся Мальчик Байхэ, мысленно переводя дух с огромным облегчением.

Только теперь Фан Цану сообразил: если бы Тунтянь в свое время не выкрал его из Дворца Дракона, ничего из сегодняшних приключений бы не произошло.

— Они пришли за тобой, — тихо произнес Тунтянь.

Едва он умолк, как Мальчик Байхэ привел к Юаньши и остальным трех юношей из Клана Драконов. Впереди шел молодой дракон в одеждах цвета цинь, чьи черты лица неуловимо напоминал самого Фан Цану. Его чистокровная кровь выдавала в нем выходца из прямых, благородных ветвей Клана Драконов.

Сам же Фан Цану, будучи драконом, ощутил от этого юноши мощнейшие волны жизненной силы и энергии дерева, а всплывшие из наследной памяти образы подсказали ему, что синего дракона зовут Мэн Чжан.

— Приветствую двоих уважаемых даосов и прошу вернуть нам юного господина нашего Клана Драконов, — на лице Мэн Чжана играла улыбка, однако глаза оставались холодными; ему оставалось лишь открыто назвать Саньцин патентованными ворами. Если бы не тот факт, что законный молодой господин мирно покоился в глубинах Дворца Дракона, с чего бы ему вдруг объявиться на горе Куньлунь?

К тому же, узнав по пути сюда, что Тунтянь уже связал себя узами даоса с их юным господином, Мэн Чжан и без того проявил чудеса выдержки, выдавив из себя хоть какую-то улыбку.

Юаньши предпочел обойти стороной вопрос с Фан Цану и лишь холодно зыркнул на Мэн Чжана:

— Не думал, что некогда великий Клан Драконов докатится до того, что среди их молодежи едва сыщется хотя бы один Золотой Бессмертный Дало.

Мэн Чжан опустил глаза, его лицо окаменело: после битвы Драконов и Фениксов от Клана Драконов не осталось и процента, выжившие старейшины были тяжело ранены, а молодежь еще не успела вырасти. Во всем Клане Драконов сейчас действительно остался лишь один Золотой Бессмертный Дало.

Фан Цану прекрасно знал об этом, но все равно решил задеть Юаньши:

— Все лучше, чем Золотой Бессмертный Дало, которого можно вырубить одним ударом.

Стоило Фан Цану договорить, как лицо Юаньши почернело окончательно — даже белые одежды не могли скрыть клубящуюся вокруг него мрачную ауру.

Беспомощно вздохнув, Тунтянь протянул руку и слегка потянул Фан Цану за рукав, давая понять, чтобы тот прекращал свои шпильки, пока окончательно не довел Юаньши до белого каления.

— Драконье яйцо вынес из дворца я, позвольте мне же и вернуть его домой, — обратился Тунтянь к Юаньши, не выпуская руку Фан Цану.

Услышав это, Юаньши взбесился еще сильнее и, впериw в Тунтяня яростный взгляд, процедил:

— Ты собрался тащиться в Восточное Море!

— Брат, нам всем давно пора покинуть Куньлунь и взглянуть на мир за его пределами, — глядя на Юаньши, твердо и безапелляционно заявил Тунтянь.

Юаньши уже собирался снова вспылить, но неожиданно появившийся Лао-цзы остановил его.

— Тунтянь прав, нам действительно пора выйти в свет, — Лао-цзы опустил руку на плечо Юаньши, и тот мгновенно растерял весь свой пыл.

— Пусть Тунтянь идет, куда хочет, — снова обратился Лао-цзы к Юаньши.

— Но...

Юаньши попытался было возразить, но Лао-цзы пресек его на полуслове:

— По-твоему, ты способен удержать его силой?

— Тогда благодарю старшего брата! — с ленивой улыбкой бросил Тунтянь и, крепко сжав руку Фан Цану, шагнул прямо на облака, мгновенно растворяясь в вышине.

Мэн Чжан не смел медлить ни секунды и бросился в погоню вместе с двумя другими драконами.

В мгновение ока на горе Куньлунь остались лишь Юаньши и Лао-цзы.

Проводив их взглядом, Юаньши повернулся к Лао-цзы и раздраженно бросил:

— Если Тунтянь снова натворит грандиозных бед, знай — это исключительно из-за того, что ты вечно потакаешь ему!

— А сам-то ты разве не потакаешь? — парировал Лао-цзы. Юаньши только орал громче всех, но когда доходило до дела, разве он хоть раз поднял на Тунтяня руку?

Высоко над облаками попутный ветер трепал длинные волосы Фан Цану, а полы его просторных одежд шумно хлопали на лету.

Спустя мгновение Фан Цану нарушил молчание:

— Ты совсем на них не сердишься?

Падение Цзецзяо было тесно связано с Лао-цзы и Юаньши, так что случившееся можно было назвать внутренней ссорой, когда свои бьют своих.

Стоявшая на другом краю облачного слоя Тунтянь прикрыл глаза и ответил:

— Сержусь? Я хотел, чтобы жили мои ученики, а они — чтобы жили их братья. На что тут сердиться?

Фан Цану слегка удивился, сообразив, что известная ему версия событий, судя по всему, сильно отличается от того, через что прошел сам Тунтянь.

— А я слышал об этом несколько иначе, — задумчиво произнес Фан Цану, бросив взгляд на Тунтяня.

Тунтянь медленно приоткрыл глаза и, опустив взгляд на примостившегося на облаке Фан Цану, поинтересовался:

— И как же?

— Братья пошли войной друг на друга, перебив сородичей, а Запад изрядно поживился на этом, — ответил Фан Цану и, продолжая говорить, не удержался и зевнул.

— Похоже, со стороны все выглядело именно так, — Тунтянь улыбнулся, но в его глазах застыл ледяной холод, а при упоминании Запада в них на миг промелькнула убийственная жажда.

Фан Цану тем временем небрежно оторвал кусок от облака, на котором сидел, принявшись рассеянно мять его в руках:

— В конце концов, все свелось к бесконечным интригам и расчетам. Неужели великий мастер, переродившийся с чистого листа и знающий весь сюжет наперед, станет бояться подобного?

Услышав это, Тунтянь не удержался, присел на корточки и легонько потрепал Фан Цану по голове:

— Ты прав. Неужели мы вдвоем не сможем найти выход?

С этими словами Тунтянь ловким движением отобрал у Фан Цану созданного из облака маленького дракона.

Лишившись игрушки в один миг, Фан Цану на секунду опешил, а затем возмущенно потребовал:

— Верни!

Фан Цану попытался перехватить фигурку, но Тунтянь нарочно поднял облачного дракончика высоко над головой.

— Дракоша, не подаришь ли ты этого маленького дракона мне?

— Тунтянь, да у тебя совсем нет стыда!

Фан Цану уже собрался рассеять облачное творение потоком духовной силы, как вдруг Тунтянь перехватил его за руку и резко ринулся вниз, к самой земле.

— Ты что творишь?! — повинуюсь чистой интуиции, Фан Цану намертво вцепился в Тунтяня, наотрез отказываясь разжимать руки.

Хмыкнув, Тунтянь протянул:

— А ведь ты совсем не похож на настоящего дракона.

Не успело замолкнуть эхо этих слов, как они с Фан Цану уже приземлились на твердую землю. Встречавшие их у Восточного Моря старейшины Клана Драконов слегка растерялись от такой картины, но, быстро сориентировавшись, Великий старейшина тотчас выступил вперед:

— Приветствуем юного господина и зятя.

Следом за ним опомнились и остальные старейшины, дружно пропев:

— Приветствуем юного господина и зятя.

Фан Цану остолбенел, а мгновение спустя взревел во всю мочь:

— Какой еще зять?! Зовите меня госпожой молодого господина!

В ответ повисла подозрительная, зловещая тишина.

Фан Цану: больше всего на свете пугает внезапная тишина.

<http://bllate.org/book/21824/2259951>